

УДК 911.3

А. Г. Дружинин^{1, 2, 3}

Идеи «евразийства» в современной России: традиция и метаморфозы

¹ ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»,

г. Ростов-на-Дону

² ФГБУН Институт географии РАН, г. Москва

³ ФГБУН Институт народнохозяйственного
прогнозирования РАН, Москва

e-mail: alexdru9@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена евразийству как особому научно-интеллектуальному и политико-идеологическому направлению, зародившемуся в России, ставшему в одной из базовых, актуализированных компонент российской национальной идеологии. Особое внимание уделено «географической составляющей» евразийских идей, вопросам их адаптации к геополитическим реалиям XXI века. Акцентированы присущие постсоветскому периоду рост в российском обществе запроса на евразийство, а также нарастающей (в русле глобальных изменений) кризис евразийских идей. Обоснована необходимость коррекции базовых концептов и подходов евразийства, в том числе в рамках проблематики российской общественной географии.*

Ключевые слова: *евразийство, общественная география, национальная геоидеология, геополитика, глобальные трансформации, Россия, Евразия*

Введение

Россия, да и в целом всё современное Человечество вступили в период масштабных геополитических потрясений и кардинальных общественно-географических перемен, что актуализирует вопросы нашего государственного самопознания и стратегического целеполагания. Складывающаяся ситуация глобального противостояния и региональной фрагментации требует приоритетного внимания к геоидеологическому обеспечению интересов Российской Федерации в области её внешней и внутренней (в том числе пространственной) политики, выводя на авансцену **евразийство** как концептуально очерченную, исторически сложившуюся россияориентированную, органичную национальной интеллектуальной традиции и плотно инкорпорированную в современный научный дискурс (в том числе географический, что иллюстрируют работы К. Э. Аксёнова, П. Я. Бакланова, Л. А. Безрукова, Ю. Н. Гладкого, А. Г. Дружинина, В. Л. Каганского, Н. В. Каледина, А. Г. Манакова, А. И. Чистобаева, В. А. Шупера и др.) систему геополитических, геокультурных и геоэкономических представлений. Приоритетной задачей является, при этом, **модернизация самого евразийства**, его творческое, адаптирующее к реалиям развитие, преодоление присущих данному научно-политическому течению (и всё ширящихся) «проблемных зон» и противоречий, во-многом относящихся к предметно-объектной сфере общественной географии.

Материалы и методы

Обращение к историографии науки, включая ретроспективный анализ геополитических идей, позволяет констатировать, что как целостное научно-политическое течение евразийство зародилось столетие назад в среде российской эмиграции (подробный авторский анализ классического евразийства дан в [8]). Интеллектуальные предпосылки для его возникновения, для генерирования присущего евразийству понимания России (географии, истории, этнокультурной специфики нашей страны), начали формироваться, тем не менее, ещё с середины XIX столетия трудами Н.Я. Данилевского (впервые концептуально противопоставившего Россию и Европу как различные пространственные сущности), К. Н. Леонтьева (призывавшего к сближению Российской и Османской империй), И. Гаспринского (фокусировавшего внимание на русско-тюркском взаимодействии), В. И. Ламанского (вычленившего Россию в качестве особого «Срединного мира»), Д. И. Менделеева (подчёркивавшего необходимость культивирования целостного взгляда на Россию и преодоления деструктивного противопоставления её европейской азиатской частей) и В.П. Семёнова-Тян-Шанского (предложившего концепт «Евразии» как территории «от Волги до Енисея»). Во-многом именно на этой методологической основе усилиями Н. Н. Алексеева, Г. В. Вернадского, П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого, Г. В. Флоровского и других родоначальников собственно «евразийства» («политического, идеологического и духовного движения, утверждающего особенности культуры Российско-Евразийского мира» [13, с. 7] была генерирована совокупность сердцевинных для него, сущностных идей: 1) народы и созданные ими культуры – равноценны, путей общественно-исторического развития – множество, а культивируемая Западом система ценностей (норм, правил) – не является универсальной и, в этой связи, не должна рассматриваться таковой для России, для Евразии; 2) Россия – это не Европа (не Запад); Россия это особое пространство – Евразия (которое не следует путать с евразийским материком); 3) «Россия = Евразия» представляет собой особый мир, самостоятельную цивилизацию, объединяющую «европейские» и «азиатские» (евроазиатские, евразийские) черты; Россия – это целостное месторазвитие русского и других интегрированных с ним евразийских народов; 4) «Россия = Евразия» исторически формируется на базе славяно-тюркского симбиоза (ядра); 5) для экономики Евразии, объективно проигрывающей в мировом масштабе в силу усложнённости доступа к океаническим обменам, экзистенциально существенна внутренняя самоорганизация и кооперация (реализация потенциала «внутриконтинентальных соседств»).

Благодаря своим отпавным подходам (акцент на географическом факторе, на множественности культур) и геоконцептов («Евразия», «евразийский мир», «месторазвитие», «Россия = Евразия») доктрина евразийства изначально характеризовалась **«географичностью»**. Эту «родственность» классического евразийства системе географического знания далее нарастил (подкрепив обширнейшим фактологическим материалом исторического и историко-географического плана) Л. Н. Гумилёв, став (в позднесоветскую эпоху) ключевым адептом евразийства и его популяризатором, развив евразийские подходы представлениями о этнической обусловленности трансформаций евразийского пространства, о строгой, неизменной ритмике этногенеза, о роли в этом процессе феномена пассионарности [17].

Становление евразийских идей сочеталась со столь же пролонгированной их маргинальностью (в сопоставлении с интеллектуально-политическим мейнстримом). Для зарубежной Европы первой половины XX в. евразийство в целом (за исключением Сербии) оставалось «чужим»; оно будоражило, вызывало неприятие. В СССР же (реализовывавшем собственный глобалистский проект) евразийские идеи были доступны лишь очень узкому кругу интеллектуалов. С конца 1980-х гг. евразийство «вернулось» в нашу страну, в её научный дискурс, в политику. В условиях распада Советского Союза, уже в Российской Федерации – оно подчас казалось востребованным, но в большей мере, важнейшими содержательными компонентами, евразийство держали в «запасниках», ориентируясь на интеграцию с Западом, на глобализм, на «мировое сообщество».

С начала-середины 2000-х гг., евразийство впервые оказалось созвучным государственным усилиям по реинтеграции постсоветского пространства (что подмечалось и ведущими зарубежными экспертами [21]). Но сама Евразия в этот период становилась уже иной [7], обретая многополюсность, фрагментарность, более расширенный (чем в эпоху Российской Империи и СССР) внешний пространственный контур. Видоизменилось и евразийство. Многие десятилетия практического забвения и пребывания на периферийных позициях предопределили его «омертвление», примитивизацию, низведение изначально яркого и разнопланового учения до простых геополитических лозунгов и смысловых шаблонов. На смену евразийской классики пришли интеллектуальные конструкты «*параевразийства*» («неоевразийство», идея «Большой Евразии», «Северной Евразии», «Скифии», «Российской Империи 2,0» и др.). Научно-идеологическое течение в итоге, мимикрировало, содержательно «растаскивалось», превращаясь в набор символов («Евразия», «евразийский»), оперирование которыми в научном дискурсе всё чаще и существеннее подменяло контент. В евразийстве как особой *геоидеологии* всё меньше становилось реального «гео» (общественно-географической данности), а всё больше дистанцированных от общественно-географической реальности политологических и социологических схем. Подобная ситуация предопределила фактический **кризис евразийства**, затронувший концептуальные, методологические его основания.

Осмысление постсоветских общественно-географических метаморфоз, равно как и характера, тональности обширнейшего современного отечественного дискурса по «евразийской тематике» (только в базе РИНЦ на февраль 2023 года по запросу «Евразия» – 16798 статей, «евразийский» – 26693, «евразийство» – 3254) даёт возможность вычленив важнейшие, наиболее актуализированные современные проблемные зоны в идеологемах евразийства, обозначив их чередой неизбежно встающих перед неподвзятым исследователем **евразийских вопросов**. *Во-первых*, могут ли быть у Евразии (как её понимали классики евразийства) «естественные» (соотносящиеся с конфигурацией горных массивов, крупных рек, изотерм и др.) и, в этой связи, относительно устойчивые, неподверженные социальным обстоятельствам границы? *Во-вторых*, правильно ли, корректно ли вообще вести речь о некой «Евразии» (как автономном, отличном от «Европы», от других крупных институционализированных общественно-географических структур евразийского материка) вне конкретного историко-географического контекста, вне российской государственности и русского этногенеза? *В-третьих*, является ли Россия единственной доминантой в пределах подобным образом

понимаемой «Евразии», или нашей стране, государству – есть (и сейчас, и, тем более, в перспективе) альтернативы? *В-четвёртых*, извечен ли статус самой «Евразии» как одного из культурно-географических и геополитических макрорегионов нашей планеты? Не преувеличиваем ли мы меру стабильности подобного рода культурно-географических образований? *В-пятых*, каковы обстоятельства и где пределы «комплементарности» народов евразийского пространства? *В-шестых*, имеются ли резоны и основания продолжать (несмотря на разрушение СССР и последовавшие за этим кардинальные изменения не только на постсоветском пространстве, но и в сопредельных странах) и далее рассматривать предложенную классиками «евразийства» формулу «Россия = Евразия» как исходный концептуальный посыл и значимый стратегический ориентир для нашей страны? Цель статьи – попытка дать хотя бы частичный ответ на них, опираясь на методологию современной общественной географии.

Результаты и обсуждение

Евразийство формировалось при очевидном превалировании естественнонаучного, «естествоиспытательского» подхода: это относится и к «классической» делимитации «России=Евразии», и к последующему (предложенному уже Л.Н. Гумилёвым [4]) объяснению траекторий этногенеза и их причинности. Этот *симбиоз природного детерминизма и исторического фатализма*, проявляющийся также как определённого рода *общественно-географический нигилизм* в особой мере присущ современным интерпретациям евразийства. Он дезориентирует российское общество, продуцирует в нём в целом обманчивое и контрпродуктивное (в том числе для реальной политики) видение некой природно-географической предначертанности, предопределённости (и устойчивости, стабильности во времени) ареала доминанты русской культуры и геополитических интересов России. Он же, одновременно, препятствует осознанию нарастающих в данной сфере в постсоветский период изменений (и, соответственно, проблемных ситуаций, рисков), слабо мотивируя необходимую мобилизацию коллективной воли в вопросах осмысления будущего страны, укрепления её позиций и перспектив, в том числе в контуре непосредственно евразийского пространства.

«География, акцентирует А.Г. Дугин, — это судьба, а Евразия — судьба для всех постсоветских стран» [10, с. 148] и географу-обществоведу с подобным утверждением сложно не согласиться с одним лишь существенным уточнением: «география» — динамична, сложна, выступает производной множества факторов; не является константой и Евразия (Россия=Евразия). В её пространстве инерция былых внутристрановых связей и зависимостей (подкрепляемая отношениями соседства) безусловно имеет место, но с позиций современной географии (в том числе общественной) любые границы – не только «размыты», но и нестатичны (см. [15]). Вся историю Человечества политико-географические демаркации неизменно выстраиваются в жёстком геополитическом (и геоидеологическом, геокультурном) противостоянии и, как правило, с ощутимыми демографическими и социально-экономическими утратами, в том числе для «активной стороны». И, в этой связи, сложно согласиться с тезисом, что «для евразийской цивилизации *естественно* [курсив наш – А.Д.] восстановить свой исторический объем и исторические границы» [10, с. 147]. Контур «евразийского пространства»

изменился и далее продолжит (с разнонаправленными, сложнопредсказуемыми векторами) трансформироваться, являя переходные зоны, полимасштабные лимитрофы и предопределяясь преимущественно *современными* идентичностями, политико-географическими рубежами, трансграничными природно-хозяйственными регионами, а также взаимно пересекающимися сферами геополитического и геокультурного влияния. И в этой связи установка на взаимно поддерживающее соразвитие евразийских государств (не только постсоветских), наличие в структуре евразийского пространства как разномасштабных «центров силы», так и полизависимых территорий – в существующем контексте стратегически выглядит более перспективной и приемлемой, чем попытка полностью восстановить былую державу в её уже ставших историей границах.

Воспринимая «Россию=Евразию» как «особый мир», необходимо, таким образом, воспринимать и признавать его эволюцию (способность не только к географическому расширению, но и «сжатию», к цикличности, пульсациям) проявляя научно-обоснованный (с опорой, в частности, на предложенную в начале 1990-х гг. концепцию *геоэтнокультурной системы* [5]) реализм при её делимитации. Естественных и извечных границ «Евразии» (не материка) быть, в итоге, не может, как, следовательно, нет и предопределённости геополитического позиционирования в их контуре того или иного государства, включая Россию.

Важно также понимать, что, с позиций географии и культивируемого ею принципа полимасштабности – «мир = миры» [19]. И, в этой связи, для общественной географии вряд ли методологически корректно и приемлемо признание какого-либо из уровней пространственной таксономии (глобального, метарегионального, странового или регионального) в качестве доминантного, эксклюзивного. Подобный выбор возможен лишь как политически (геополитически) мотивированный, воплощённый в формат той или иной национальной (государственной) идеологии. Общественно-географические «миры» (в том числе цивилизационного уровня) – теоретически равнозначны, но практически неравновесны; они существуют в своих неустойчивых «взаимоналожениях», зависимостях и, даже, иерархиях. Сам статус «особого мира» – столь универсален, что не может и не должен абсолютизироваться (по крайней мере в научном исследовании), в том числе и применительно к такому его свойству как целостность. Тем более, что сложившаяся в рамках единого государства «комплементарность» народов способна (со сменой поколений) в ситуации политико-географической фрагментации утрачиваться. Этот феномен, существенный для всего постсоветского геополитического контура (особенно после 2022 года), должен обязательно учитываться и применительно непосредственно к Российской Федерации, чьё пространство «не является гомогенным ни в этническом, ни в цивилизационном отношениях» [18, с. 243], а этнодемографический баланс постепенно изменяется (согласно переписям населения, доля указавших себя как «русские» за 1989-2021 гг. снизилась почти на 10 процентных пунктов, т.е. на 14,2 млн. человек, при одновременном росте до 16,6 млн. лиц, не обозначивших собственную национальность).

Говоря о России, о Евразии, следует также учитывать, что одно дело – евразийский «особый мир» начала – середины XX столетия (когда формула «Россия=Евразия, действительно, сохраняла актуальность), другое – в глобальной однополярности на рубеже III тысячелетия и совсем иное – в современной сохраняющей черты общепланетарного единства асимметричной

многополярности (когда позиционирование любого рода «особого мира» включает триединство «части и целого», «части и других активных и неравновесных частей», а также «части как совокупности частиц других экзогенных по отношению к ней частей»). Прав, в этой связи, В.Л. Каганский, полагая, что Евразия и не вечна, и не абсолютна, а временна, относительна, релятивна [14]. Это меняющаяся, испытывающая метаморфозы общественно-географическая реальность, причём магистральный географический вектор этих изменений ранее мы обозначили как одновременность для Евразии её «расширения» и «сжатия» [6]. В научном дискурсе данным трендам в целом соответствуют чётко различимые акценты на евразийский (российский) изоляционизм и, как их дополнение и, отчасти, антипод – установка на «большую» евразийскую интеграцию. В последнем случае речь идёт о концепте **«Большой Евразии»**, чьё укоренение в отечественном дискурсе с рубежа 2015-2016 гг. оказалось, полагаем, наиболее логичным и корректным направлением развития евразийской идеи, став, одновременно, маркером и целеориентирующим конструктом многовекторных взаимодействий Российской Федерации, причём с возрастающей их асимметрией в пользу Китая.

Пролонгируя и на новом крутом зигзаге истории в существенной мере реанимируя евразийскую интеллектуальную «классику», концепт «Большой Евразии» знаменует собой, тем не менее, и выраженный отход от ключевых географических подходов и категорий евразийства. Дело в том, что при всей разнородности бытующих ныне представлений о «Большой Евразии», включая её делимитацию [11], а также место и роль в этой структуре Китайской Народной Республики, равно как и непосредственно самой России [1, 2, 16], последние в существенной мере объединяет фактическая доминирующая физико-географическая интерпретация её предельного географического контура (поскольку фокус на материке, а не на «России = Евразии»), уводящая евразийство (как совокупность идеологем) в иную не только пространственную, но и в целом смысловую плоскость. Нет пока оснований рассматривать «Большую Евразию» и как некий геополитический и, тем более, геокультурный альянс (в одном случае всё конъюнктурно, в другом – слишком разнородно). Более оправданной автору представляется понимание Большой Евразии как *множественности* интеграционных структур, процессов и проектов, *одновременно и сопряжённо разворачивающихся в пределах основного массива евразийского материка*.

Воплощением доминанты природоведческого подхода в «евразийской тематике» (в ущерб единственно на наш взгляд корректному – общественно-географическому) стало и продвигаемое некоторыми обществоведами (например, Д.Н. Замятиным [12]) словосочетание **«Северная Евразия»**, давно и широко применяемое в естественных науках. Принципиальных стратегических, методологических последствий у подобного подхода (реализуемого в более широком контексте осмысления «северности» России [3]), полагаю, два. Во-первых, он задаёт ментальный фон для обособления, автономизации России в Евразии (в русле геополитического концепта «острова России» В.Л. Цымбурского [20]), причём в том числе и в контуре непосредственно постсоветского пространства (благоприятствуя, тем самым, вытеснению Российской Федерации из её «южного подбрюшья», минимизируя вновь чётко проявившийся в постсоветский период [9] южный вектор нашего цивилизационного

взаимодействия и развития). Во-вторых, концепт «Северной Евразии» обеспечивает фокусировку внимания не столько на освоенной русской культурой и цементируемой российским государством территории (чётко очерчиваемой ключевым для нас топонимом «Россия»), сколько на в целом присущих Северу слабозаселённых и геополитически и этнокультурно обезличенных пространствах с превалированием ареалов «дикой природы» (как бы потенциально предрасположенных для своего геоэкономического «освоения», равно как нового геополитического «дележа»).

Выводы

Время бескомпромиссно «проверяет на прочность» не только этносы и государства, но и любого рода обусловленные их существованием интеллектуальные конструкты, в том числе евразийство, с рубежа 2000-х годов вновь оказывающееся в России всё более востребованным, популярным и, при этом, содержательно «размытым», вульгаризированным и, в этой связи, не во всём адекватным ни текущим геополитическим реалиям, ни своим «классическим» фундаментам. Высокая оценка научного наследия евразийства за его эвристический, гуманистический и геополитический потенциал и, соответственно, его востребованность как в научных изысканиях, так и в реальной политике, должны сочетаться с его перманентным концептуальным обновлением, базирующимся на понимании евразийских доктрин как:

- синтеза научных подходов и геополитически ангажированной идеологии;
- системы традиционных для России геополитических воззрений, закономерным образом сформировавшихся на отечественной «почве» и культивируемых как минимум 6 – 7 поколениями (начиная с середины XIX века) учёных, мыслителей, литераторов;
- единственной в России геоидеологии, ориентирующей на суверенное развитие страны в качестве относительно самостоятельного «центра силы», самобытной цивилизации, обладающей сложно структурированным пространством, воплощающим (в том числе в этнокультурном отношении) «единство разного»;
- совокупности положений, обретающих внятность и обоснованность лишь с опорой на общественно-географическую методологию и фактологию, что должно инициировать, в частности, всё более полновесное присутствие «евразийской тематики» в предметно-содержательном поле российской общественной географии.

Завершая, подчеркну, что не надо стремиться превращать евразийство в «символ веры», равно как и не следует его «сторониться». Данное интеллектуальное течение необходимо знать, понимать, подвергать ревизии и развивать, адаптируя к меняющемуся миру, ориентируясь на Россию и наши национальные геостратегические интересы.

Исследование выполнено по теме ГЗ Института географии РАН (№ FMWS-2024-0008 «Социально-экономическое пространство России в условиях глобальных трансформаций: внутренние и внешние вызовы»)

Литература

1. Безруков Л. А. Географический смысл создания «Большой Евразии» // География и природные ресурсы. 2018. № 4. С. 5-14.
2. Вардомский Л. Б. Евразийская интеграция и большое евразийское партнёрство // Россия и новые государства Евразии. 2019. № 3 (44). С. 9-26.
3. Головнёв А. В. Северность России. Санкт-Петербург. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. 2022. 450 с.
4. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: ЛГУ, 1989. 286 с.
5. Дружинин А. Г. Теоретические основы географии культуры. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 1999. 114 с.
6. Дружинин А. Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. 228 с.
7. Дружинин А. Г. Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа). Ростов-на-Дону. Изд-во Южного федерального университета. 2020. 268 с.
8. Дружинин А. Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета. 2021. 270 с.
9. Дружинин А. Г. «Южный вектор» геостратегии Российской Федерации в современном глобальном и евразийском контексте: системные факторы актуализации // Научная мысль Кавказа. 2022. № 1. С. 5-16.
10. Дугин А. Г. Евразийство как незападная эпистема российских гуманитарных наук // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 142-152.
11. Дынкин А., Телегина Е., Халова Г. Роль Евразийского экономического союза в формировании Большой Евразии // Мировая экономика и международные отношения. 2018, том 62, № 4. С. 5–24.
12. Замятин Д. Н. Северная Евразия на стыках планетарных геокультур: сопространственность и пограничность // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 7. С. 103-117.
13. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1. София: изд-во «Балканы». 1921. 135 с.
14. Каганский В. Л. «Евразийская мнимость» // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое. Отв. ред. И. Г. Яковенко. Научный совет РАН «История мировой культуры». М.: Наука, 2007, с. 531–590.
15. Колосов В. А. География государственных границ: идеи, достижения, практика // Известия РАН. Серия географическая. 2008. № 5. С.8-20.
16. Котляков В. М., Шупер В. А. Россия в Большой Евразии: задачи на XXI век // Россия в формирующейся Большой Евразии /под ред. В. М. Котлякова и В. А. Шупера. Вопросы географии. Вып. 148. М.: Издательский дом «Кодекс». 2019. С. 357-372.
17. Лавров С. Б. Лев Гумилев. Судьба и идеи. М.: Сварог и К., 2000. 156 с.
18. Панарин А. С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). Москва: ИФРАН, 1995. 262 с.
19. Тютюнник Ю. Г. О феномене географии // Известия РАН. Серия географическая. 2010. № 6. С.8-18.

20. Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993-2006. М. РОССПЭН 2007. 543 с.
21. O'Loughlin, J. (2001) Geopolitical fantasies, national strategies and ordinary Russians in the post-communist era. *Geopolitics*. 6(3), с. 17-48.

A. G. Druzhinin^{1,2,3}

The Ideas of "Eurasianism" in Modern Russia: Tradition and Metamorphosis

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don

² Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow

³ Institute of National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Moscow

e-mail: alexdru9@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to Eurasianism as a special scientific, intellectual, political and ideological trend that originated in Russia and has become one of the basic, actualized components of the Russian national ideology. Special attention is paid to the "geographical component" of Eurasian ideas, the issues of their adaptation to the geopolitical realities of the XXI century. The growth of the demand for Eurasianism in Russian society inherent in the post-Soviet period, as well as the growing (in line with global changes) crisis of Eurasian ideas are emphasized. The necessity of correcting the basic concepts and approaches of Eurasianism, including within the framework of the problems of Russian Human Geography, is substantiated.*

Keywords: *Eurasianism, Human Geography, national ideology, Geopolitics, global transformations, Russia, Eurasia*

References

1. Bezrukov L. A. Geograficheskiy smysl sozdaniya «Bol'shoj Evrazii» // *Geografiya i prirodny'e resursy*. 2018. № 4. S. 5-14. (in Russian)
2. Vardomskij L. B. Evrazijskaya integraciya i bol'shoe evrazijskoe partnyorstvo // *Rossiya i novy'e gosudarstva Evrazii*. 2019. № 3 (44). S. 9-26. (in Russian)
3. Golovnyov A. V. Severnost` Rossii. Sankt-Peterburg. Muzej antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN. 2022. 450 s. (in Russian)
4. Gumilev L. N. Etnogenez i biosfera Zemli. L.: LGU, 1989. 286 s. (in Russian)
5. Druzhinin A. G. Teoreticheskie osnovy` geografii kul'tury. Rostov-na-Donu: Izd-vo SKNCz VSh, 1999. 114 s. (in Russian)
6. Druzhinin A. G. Rossiya v mnogopolyusnoj Evrazii: vzglyad geografa-obshhestvoveda. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2016. 228 s. (in Russian)
7. Druzhinin A. G. Evrazijskie priority` Rossii (vzglyad geografa-obshhestvoveda). Rostov-na-Donu. Izd-vo Yuzhnogo federal'nogo universiteta. 2020. 268 s. (in Russian)

8. Druzhinin A. G. Idei klassicheskogo evraziystva i sovremennost': obshhestvenno-geograficheskij analiz. Rostov-na-Donu: Izd-vo Yuzhnogo federal'nogo universiteta. 2021. 270 s. (in Russian)
9. Druzhinin A. G. «Yuzhnyj vektor» geostrategii Rossijskoj Federacii v sovremennom global'nom i evrazijskom kontekste: sistemny'e faktory` aktualizacii // Nauchnaya my'sl' Kavkaza. 2022. № 1. S. 5-16. (in Russian)
10. Dugin A. G. Evraziystvo kak nezapadnaya e`pistema rossijskix gumanitarny`x nauk // Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodny`e otnosheniya. 2022. T. 22, № 1. S. 142-152. (in Russian)
11. Dy`nkin A., Telegina E., Xalova G. Rol` Evrazijskogo e`konomicheskogo soyuza v formirovanii Bol`shoj Evrazii // Mirovaya e`konomika i mezhdunarodny`e otnosheniya. 2018, tom 62, № 4. S. 5–24. (in Russian)
12. Zamyatin D. N. Severnaya Evraziya na sty`kax planetarny`x geokul'tur: soprostranstvennost` i pogranichnost` // Mirovaya e`konomika i mezhdunarodny`e otnosheniya. 2023. T. 67. № 7. S. 103-117. (in Russian)
13. Isxod k Vostoku. Predchuvstviya i sversheniya. Utverzhdenie evraziycev. Kniga 1. Sofiya: izd-vo «Balkany`. 1921. 135 s. (in Russian)
14. Kaganskij V. L. «Evrazijskaya mnimost`» // Rossiya kak civilizaciya: Ustojchivoe i izmenchivoe. Otv. red. I.G. Yakovenko. Nauchny`j sovet RAN «Istoriya mirovoj kul`tury». M.: Nauka, 2007, s. 531–590. (in Russian)
15. Kolosov V. A. Geografiya gosudarstvenny`x granicz: idei, dostizheniya, praktika [Geography of state borders: ideas, achievements, practice]// Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya. 2008. № 5. S.8-20. (in Russian)
16. Kotlyakov V. M., Shuper V. A. Rossiya v Bol`shoj Evrazii: zadachi na XXI vek // Rossiya v formiruyushhejsya Bol`shoj Evrazii /pod red. V.M. Kotlyakova i V.A. Shupera. Voprosy` geografii. Vy`p. 148. M.: Izdatel'skij dom «Kodeks». 2019. S. 357-372. (in Russian)
17. Lavrov S.B. Lev Gumilev. Sud`ba i idei. M.: Svarog i K., 2000. 156 s. (in Russian)
18. Panarin A. S. Rossiya v civilizacionnom processe (mezhdru atlantizmom i evraziystvom). Moskva: IFRAN, 1995. 262 s. (in Russian)
19. Tyutyunnik Yu. G. O fenomene geografii// Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya. 2010. № 6. S.8-18. (in Russian)
20. Cymburskij V. L. Ostrov Rossiya. Geopoliticheskie i xronopoliticheskie raboty. 1993-2006. M. ROSSPE`N 2007. 543 s. (in Russian)
21. O'Loughlin, J. (2001) Geopolitical fantasies, national strategies and ordinary Russians in the post-communist era. *Geopolitics*. 6(3), c. 17-48.

Поступила в редакцию 01.02.2024 г.